

ХАЙРОВ Айрат Дамирович

аспирант кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКАХ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОСУДИИ

В статье анализируются различные подходы к пониманию гласности, свидетельствующие о его сложной социально-правовой природе.

Автор полагает, что конституционный принцип гласности в правосудии приобретает дополнительные элементы в содержательной характеристике в зависимости от того, в какой подсистеме судебной власти локализуется.

Ключевые слова: свобода слова, гласность, принцип гласности, конституционная юрисдикция, конституционный (уставной) суд.

KHAYROV Ayrat Damirovich

postgraduate student of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Law Faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

ON THE ISSUE OF SOME FEATURES OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY IN CONSTITUTIONAL JUSTICE

Various approaches to understanding publicity are analyzed in the article, testifying its complex socio-legal nature.

The author believes that the constitutional principle of publicity in justice acquires additional elements in its content, depending on which subsystem of the judiciary is localized in.

Keywords: freedom of speech, publicity, the principle of publicity, constitutional jurisdiction, constitutional (statutory) court.

Гласность – один из важнейших признаков демократического политического режима и правовой государственности, базирующийся на равноправном сотрудничестве публичной (государственной, муниципальной) власти и общественности.

Гласность как общественное и публично-правовое явление трактуется в научных исследованиях неоднозначно.

В политологии и социологии гласность по своему функциональному назначению рассматривается как понятие близкое, но не тождественное свободе слова¹, которое, в свою очередь, разясняется в нескольких самостоятельных направлениях: а) как индивидуальная свобода каждого публично, то есть в присутствии других лиц, излагать свои взгляды на что угодно²; б) как информационная свобода, которая по мнению С.А. Дементьева есть сложившаяся, обеспеченная информационными и иными ресурсами общества и государства, поддерживаемая информационной культурой данного общества и защищаемая правом данного государства, реализуемая в повседневных информационных практиках, возможность каждого человека получать для его личного, культурного, профессионального и социального бытия, для индивидуальной, культурной, профессиональной и социальной деятельности информацию³; в) коммуникативная свобода для каждого, под которой А.Б. Эктумаевым предлагается понимать общественные связи и взаимодействия, осуществляемые в целях передачи определенного семантического содержания (информации) от одного лица другому лицу в форме сообщения с помощью сигналов (определенного физического процесса)⁴.

Таким образом, с политических, социологических и правовых позиций, в исследованиях гласность выражает смысл и содержание информационных и, взаимосвязанных с ним, цифровых прав и свобод граждан.

Вместе с тем, в юридической науке конституционного права гласность рассматривается как субъективно-объективное

явление конституционно-правовой действительности, которое, как полагает С.А. Авакьян, означает максимальную открытость процедур деятельности парламентов, их палат, президентов, правительств, конституционных судов, органов местного самоуправления, проведения референдумов, порядка избрания или формирования соответствующих органов, обсуждения законопроектных, разрешения споров между участниками конституционно-правовых отношений⁵.

Следовательно, фундаментальными чертами гласности в конституционно-правовой материи и ее функциональным предназначением является также и обеспечение механизмов реализации полномочий органов публичной власти и организационно-правовых форм взаимодействия между ее уровнями.

Итак, в зависимости от специфики общественных отношений (устройство и функционирование публичной власти, взаимопонимания личности и государства) гласность приобретает различные смысловые оттенки, формы правового выражения в конституционно-правовой действительности и содержание.

Если обратиться, к примеру, к сфере правосудия, то гласность как правило, рассматривается в процедурно-процессуальном аспекте, а именно, в качестве атрибута (свойства) судебных процедур, проявлением которых выступает их открытый характер⁶.

Раскрывая сущность и содержание гласности в правосудии, С.А. Праскова обращает внимание на то, что гласность (открытость) правосудия представляет собой не только процессуальный принцип, но и правовое отношение абсолютного характера, направленное на сведения о процессе выработки и принятии решения нормативного и казуального характера, а также сведения о содержании казуального судебного решения, в котором обязанный субъект всегда индивидуально определен в лице конкретного государственного органа (органов), а управомоченным субъектом являются все элементы гражданского общества – индивиды и организации⁷.

В целом данной вывод соответствует требованиям ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации и ст. 9 Федерального

1 Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Издательство «Publishers», 1993. – С. 61.

2 Соломина А.В. Свобода слова как правовая и политическая категория // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3 (16). – С. 159.

3 Дементьев С.А. Информационная свобода личности: базовый постулат социально-философской теории информационной безопасности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 1 (35). – С. 146.

4 Эктумаев А.Б. Свобода слова в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Тмн., 2012. – С.7.

5 Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. – М.: Юстициформ, 2015. – С. 186.

6 Новиков А.В., Слабая Д.Н. К вопросу о гласности правосудия в судах общей юрисдикции по гражданско-правовым спорам // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. № 4А. – С. 319.

7 Праскова С.А. Теоретические основы гласности правосудия: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 10.

конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФЗ «О судебной системе Российской Федерации», закрепляющие открытое разбирательство дел в судах, а также исключительный характер закрытых судебных заседаний, который допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Вместе с тем правосудие является сложноорганизованным образованием, поскольку данный вид государственной деятельности в Российской Федерации осуществляется судами различной юрисдикции: общей, арбитражной и конституционной. При таких организационных условиях встает вопрос о том, влияет ли структурно-функциональная дифференциация судебной власти, допускающая формирование федеральных судов и судов субъектов Российской Федерации, на характеристику конституционного принципа гласности.

Обращаясь, в частности, к сфере конституционной юрисдикции, многочисленные авторы подчеркивают, что главным функциональным предназначением судебных органов конституционного контроля выступает обеспечение взаимодействия конституции в национально-правовой системе путем оценки конституционности норм законодательства и интерпретационной деятельности⁸.

Полагаем, что характеристика принципа гласности в сфере конституционной юрисдикции отличается иными особенностями, поскольку субъектами ее осуществления выступают Конституционный суд Российской Федерации и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, наделенные собственным правовым статусом.

Исходя из содержания регионального законодательства о конституционном (уставном) правосудии принцип гласности несет собственное нормативное оформление: он относится к группе принципов деятельности конституционных (уставных) судов, среди которых в обязательном порядке закрепляются независимость, коллегияльность, язык конституционного судопроизводства, состязательность и равноправие, а также дополнительно – конституционная законность⁹, устность разбирательства, непрерывность судебного заседания, окончательность решений, презумпция конституционно нормативных правовых актов и публично-правовых договоров¹⁰.

Таким образом, специфическими особенностями принципа гласности в региональном конституционном (уставном) правосудии выступает его правовое закрепление в специализированном законодательном акте регионального значения, а также установление горизонтальных взаимосвязей (связей координации) с конкретно-определенными нормативными руководящими положениями.

Выступая самостоятельным принципом деятельности конституционных и уставных судов, принцип гласности приобретает и другие характерные признаки.

Прежде всего, необходимо выделять сферу распространения принципа гласности в конституционном (уставном) правосудии, в качестве которой выступают общественные отношения, связанные с защитой основ конституционного строя субъекта Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, обеспечением единства государственной власти, разделением ветвей власти, самостоятельной системой законодательства, укреплением законности в правотворчестве и правоприменении, высшей юридической силы конституции (устава).

Другим, не менее важным признаком конституционного принципа гласности применительно к сфере конституционной юрисдикции выступает особый субъективный состав или круг субъектов, вовлеченных, либо непосредственно участвующих в процедурах конституционного (уставного) правосудия.

Отметим, что субъекты Российской Федерации самостоятельно определяют в собственных законодательных актах о конституционных и уставных судах особый субъективный состав, претворяющих требования гласности в правоотношения, возникающие в сфере осуществления конституционного (уставного) правосудия. К ним относятся:

1) конституционный (уставный) суд в составе установленного числа судей конституционного или уставного суда, включая председательствующего (председателя конституционного (уставного) суда, заместителя председателя конституционного (уставного) суда в его отсутствие, либо судья конституционного (уставного) суда, избранный для данного случая), судья-докладчик, функцией которого выступает оглашение доводов и оснований к рассмотрению дела, существу вопроса, содержание имеющихся материалов и мерах, принятых при подготовке дела к рассмотрению, а также судья, изменивший свое особое мнение, которое прилагается к материалам дела вместе с итоговым решением конституционного (уставного) суда;

2) участники процесса, к которым, во-первых, относятся стороны компетентного органа и лицо, направившее свое обращение в конституционный (уставный) суд, органы, издавшие нормативные правовые акты, в том числе муниципальные, конституционность которых подлежит проверке, либо подписавшее их должностное лицо; во-вторых, представители сторон по должности, к которым региональный законодатель, как правило, относит руководителя уполномоченного органа, подписавшего обращение в конституционный (уставный) суд, руководитель уполномоченного органа, издавшего оспариваемый нормативный правовой акт, включая муниципальный, должностное лицо, подписавшее оспариваемый нормативный правовой акт, в том числе муниципальный, адвокаты или иные лица, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, эксперты, специалисты, свидетели и переводчики;

3) компетентные органы и иные лица, которых региональный законодатель обязывает направить итоговое решение конституционного (уставного) суда в установленные сроки (например, в Республике Татарстан – это судьи Конституционного суда Республики Татарстан, стороны, Президент Республики Татарстан, Государственный Совет Республики Татарстан, Арбитражный суд Республики Татарстан, Прокурор Республики Татарстан, Уполномоченный по правам человека в Республике Татарстан, а также по усмотрению Конституционного суда Республики Татарстан иные государственные органы, органы местного самоуправления, организации, общественные организации, должностные лица и граждане).

Итак, в сфере конституционной юрисдикции межотраслевой конституционный принцип гласности в правосудии выявляет самостоятельный критерий в виде принципа гласности разбирательства дел, подведомственных специализированным судебным органам конституционного контроля, который имеет соответствующую сферу распространения и особый субъективный состав.

Приставленный библиографический список

1. Закон Республики Татарстан от 22 декабря 1992 года № 1708-XI «О Конституционном суде Республики Татарстан» // Советская Татария. – 28 января 1993.
2. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 16-з № 363-II «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве» // Якутские ведомости. – 3 июля 2002.
3. Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Издательство «Publishers», 1993.
4. Соломина А.В. Свобода слова как правовая и политическая категория // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3 (16).
5. Дементьев С.А. Информационная свобода личности: базовый постулат социальности-философской теории информационной безопасности // Вестник Красноярского университета МВД России. – 2017. – № 1 (35).
6. Экумаев А.Б. Свобода слова в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тмн., 2012.
7. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015.
8. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. К вопросу о гласности правосудия в судах общей юрисдикции по гражданско-правовым спорам // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. № 4А.
9. Праскова С.А. Теоретические основы гласности правосудия: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
10. Мартынюк Р.С. Особенности функциональной природы органов конституционной юрисдикции // Евразийская адвокатура. – 2016. – №4 (23).

8 Мартынюк Р.С. Особенности функциональной природы органов конституционной юрисдикции // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 4 (23). – С. 85.

9 Закон Республики Татарстан от 22 декабря 1992 года № 1708-XI «О Конституционном суде Республики Татарстан» // Советская Татария. – 28 января 1993. – № 18.

10 Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 16-з № 363-II «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве» // Якутские ведомости. – 3 июля 2002. – № 25.